

31 августа 1918 года в Москве в здании издательства ВЦИК, где Анатолий Мариенгоф работал секретарем, произошло его знакомство с Сергеем Есениным. Эта встреча во многом ознаменовала начало целой эпохи в жизни и творчестве имажиниста из Пензы и стала импульсом для создания нового модернистского течения – русского имажинизма. А время тогда было очень тревожным. Советская власть для своего сохранения вынуждена была перейти к жестокому подавлению всех контрреволюционных проявлений. Дело в том, что накануне, 30 августа, левыми эсерами было совершено покушение на Ленина и на председателя Петроградской ЧК Урицкого. Пензяк Роман Гуль в своей книге «Дзержинский. Начало террора» подробно описал, как славящийся своей жестокостью «маленький визгливый уродец на коротких ножках Моисей Урицкий», который любил хвастаться количеством подписанных приговоров, был убит наповал эсером, молодым поэтом, одетым в кожаную куртку. После покушения Леонид Каннегисер был арестован и расстрелян в октябре 1918 года.

В «Романе без вранья» Мариенгоф так описал тогдашнюю тревожную атмосферу: «По улице ровными каменными рядами шли латыши. Казалось, что шинели их сшиты не из серого солдатского сукна, а из стали. Впереди несли стяг, на котором было написано: МЫ ТРЕБУЕМ МАССОВОГО ТЕРРОРА».

В ответ на эти призывы к мести Мариенгоф в тот последний августовский день сочинял стихи, воспевающие красный террор. Вдруг

Леонид Каннегисер и Сергей Есенин. 1915

Пензе. С восторгом прочитал его поэму «Преображение», насыщенную яркими и необычными метафорами или «имажами», как их тогда называл начинающий поэт. Смелые есенинские имажи во многом определили стремление Мариенгофа создать группу имажинистов в Пензе и выпустить в 1918 году первый имажинистский сборник «Исход». Есенин произвел на Мариенгофа сильное впечатление. Особенно его порадовала есенинская оценка («лихо») только что написанных им стихов, в которых была отражена революционная эпоха с ее жестокой классовой борьбой: «Кровью плюем зазорно / Богу в юродивый взор./ Вот по красному черным /Массовый террор».

Возникает вполне закономерный вопрос: почему же Есенин обратил внимание на Мариенгофа и вскоре так тесно, по-дружески сблизился с ним? Можно предположить, что одна из причин заключалась в том, что внешне Мариенгоф был очень похож на есенинского друга юношеских лет поэта Леонида Каннегисера, входившего в группу эсеров. Того самого Каннегисера, который решил отомстить Урицкому за смерть своего товарища, расстрелянного Петроградской ЧК по делу о контрреволюционном заговоре. Этот расстрельный приказ подписал Урицкий. Бывают странные сближения. В феврале 1919 года президиум городского Совета переименовал ряд улиц Пензы. Улица Казанская стала улицей Урицкого. А ведь именно на Казанской улице стоял двухэтажный кирпичный дом, в котором с 1913 по 1918 год жила семья Мариенгофов. А Анатолий Мариенгоф не без основания на то утверждал: «Имажинизм родился в городе Пензе на Казанской улице». В Пензе Мариенгоф познакомился с Борисом Малкиным, который состоял членом ЦК партии левых эсеров и в 1917 году был редактором ежедневной газеты «Чернозём» – органа социалистов-революционеров Пензенского губернского земства. С этим изданием сотрудничал начинающий поэт Мариенгоф. Из Пензы Б. Ф. Малкин переехал в столицу в 1917 году и был введён в состав литературно-издательского отдела ВЦИК РСФСР. В 1918–1921 гг. Б. Ф. Малкин заведовал Центропечатью и оказывал содействие имажинистам в издании их поэтических сборников.

Сам Есенин в 1917–1918 годы был близок к левым эсерам, часто печатался в их газете «Знамя труда», но после их мятежа 6 июля 1918 года старался от эсеровского прошлого дистанцироваться. Возможно, именно этим стремлением подчеркнуть свою лояльность советской власти объясняется его посещение именно 31 августа издательства ВЦИК, где

дверь издательства отворилась, и в комнату легкой походкой вошел желтоволосый паренек в синей поддевке. Он обратился к Анатолию:

– Доброе утро, товарищ!

И, протянув руку представился:

– Сергей Есенин.

У взволнованного Мариенгофа перехватило дух. Ведь с есенинским творчеством он познакомился еще в

он заручился поддержкой его директора, старого большевика Константина Степановича Еремеева, высоко ценившего есенинский талант.

Знакомство Мариенгофа с Есениным вскоре перерастает в крепкую дружбу. Молодых поэтов сближало стремление к созданию нового, построенного на смелых имажах, поэтического искусства. Есенину это слово «имажи», которое он услышал впервые от Мариенгофа, пришлось по душе. В образной форме Мариенгоф описал знакомство с Есениным в поэме «Встреча» (март 1920), где объяснил, для чего вступили в творческий союз под знаменем имажинизма поэт-урбанист и «последний поэт деревни». Поэт, сравнивший себя с радугой над городом, обращается к Есенину с призывом принести в городскую стихию, которую он ассоциировал с Вавилоном, все свои духовные богатства:

Город, мира каменная корона.
От зубца к зубцу с окраины и до окраины
Себя радугой над тобой гну.
В уши собираю, как в урны,
В Вавилоне чаемый
Гуд.
Шумы песен в ведрах
На грузовиках катим боль –
Кто этот мудрый отрок
Бежит от меня в поле?

Кличу:
«Гони сюда коров, овец и стада бычьи,
На тонких плечах нам неси вязанки
Зари,
Для нас сбереги в ладонях журавлиный крик
Осеннего спозаранка».

Чтобы ярче оттенить контраст городской цивилизации и деревенской природы, автор поэмы сталкивает в своеобразном поединке «асфальт» Петрограда и Москвы и «ржаное поле» крестьянской Руси. Мариенгоф использует выразительный прием образной антитезы, обыгрывая различные вариации метафоры хлеб поэзии – Божий дар. Здесь Мариенгоф

А. Мариенгоф и С. Есенин. 1919 .

явно вступает в творческий диалог с Есениным. Вспомним строки есенинского стихотворения «Не напрасно дули ветры» (1917) с его программным для имажинистской мифопоэтики Есенина заключительным четверостишием, где в одном ряду – такие сакральные для него имажи:

«И невольню в море хлеба / Рвется образ с языка: / Отелившееся небо / Лижет красного телка».

В мифологии славян хлеб осмысливается как «дар Божий и одновременно как самостоятельное живое существо или даже образ самого божества». У имажинистов хлеб – метафора поэзии. Соответственно, месить тесто стиха означает творить поэтическое искусство. Так рождается цепочка развернутых имажей Мариенгофа: «Собор Исаакия – хлеб хозяйский», «Колокольня Ивана – рукоятью поднятый меч».

Отсюда: ржаное поле –
«Здравствуй! Миллиарды золотых языков
Веков трубы эту протрубят встречу».
Насмерть
Разбиться голубой чашей звездной оргии,
Вытечь вино зари на белоснежную скатерть:
Сегодня вместе
Тесто стиха месить
Анатолию и Сергею.

Мариенгоф был убежден в том, что творческий союз двух поэтов «Анатолия и Сергея» должен ознаменовать новую эпоху в искусстве. Именно поэтому со свойственным имажинистам ироническим пафосом он заявляет: «Веков трубы эту протрубят встречу». В финальном трехстрочии поэмы рождается имаж, подчеркивающий плодотворность творческого содружества «собратьев»-имажинистов, поставивших во главу угла в поэтическом искусстве образ. Так, в поэме «Встреча» Мариенгоф объяснил сущность того союза, который соединял его с Есениным. По его убеждению, это взаимно обогащало поэтов, таких разных по своему мировосприятию. На самом деле, имажинизм придал есенинской поэзии остроту новой поэтической формы, а влияние Есенина во многом определило пути дальнейшей эволюции мариенгофского образотворчества. Но критик В. Львов-Рогачевский не принял этого союза. В своей книге «Имажинизм и его образоносцы: Есенин, Кусиков, Мариенгоф, Шершеневич» (1921) он категорично заявил: «Ни сегодня, ни завтра не месить им вместе тесто стихов, хотя и попало случайно в чистое ржаное поле Есенина ядовитая спорынья его друга Мариенгофа». Здесь нельзя не отметить того, что автор монографии о поэтах-имажинистах сам удачно использовал выразительные метафоры. «Спорынья – паразитный ядовитый грибок, образующий в колосе ржи и некоторых других злаков черные удлиненные рожки». Критик нашел емкий образ, чтобы подчеркнуть принципиальное отличие «символизма под маской имажинизма» Есенина от «футуризма под маской имажинизма» у Мариенгофа. При этом он выделил одну из ключевых «хлебных» метафор Есенина и Мариенгофа. Взаимообмен ее своеобразными вариантами стал отражением творческого диалога поэтов – имажинистов, который часто приобретал полемический характер и длился на протяжении нескольких лет.